

Исследование социальных групп интеграционной сферы

Резюме

Таллинн 2013

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ИНТЕГРАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Резюме

Исследование финансировалось Европейским фондом интеграции граждан третьих стран, Министерством культуры Эстонии и Фондом интеграции и миграции «Наши люди» (MISA)

Руководитель проекта:

Эрле Рикманн

Научный руководитель:

Герли Ниммерфельдт

Координатор коммуникации:

Наталья Китап

Состав исследовательской группы:

Юри Круусвалл, Елена Хелемяэ, Маарис Раудсепп, Танель Валлимьяэ, Марианна Дроздова, Аида Хачатурян, Трийн Роосалу, Маргарита Казюля, Кристина Линдемманн, Марти Тару, Айвар Йоорик и Теа Похл

В проекте приняли участие:

Клара Халлик, Сигне Кренстрем, Анастасия Соколова, Юри Казюля, Игорь Ляпин, Клаудия Мерикюла, Лийси Кеэдус, Мартин Айдник и Лилия Тимушева

Благодарим всех, кто участвовали в проекте!

Copyright: авторы, 2013

Институт международных и социальных исследований
Таллиннского университета, 2013

Название исследовательского отчета на эстонском языке:

Lõimumisvaldkonna sotsiaalsete gruppide uuring (2013). Uuringu raport. Tallinn: TLÜ RASI

Оглавление

Введение.....	5
Задача и целевые группы исследования.....	6
Измерения интегрированности и интеграционные кластеры.....	8
Интеграционные кластеры: анализ результатов фокус-групп и персональных интервью.....	15
Единство общества и потребность в интеграции.....	16
Владение эстонским языком и его использование.....	18
Гражданская идентичность.....	18
Политическое и социальное участие.....	19
Образование молодежи.....	22
Русскоязычная молодежь, обучающаяся в гимназии.....	22
Русскоязычная молодежь, обучающаяся в профессиональных училищах.....	23
Русскоязычная молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях.....	25
20-35-летняя молодежь Ида-Вирумаа.....	27
Новые иммигранты.....	29
Цыгане.....	31
Культурные общества национальных меньшинств.....	33
Государственные служащие, для которых русский язык является родным.....	35

Введение

Герли Ниммерфелдт, Эрле Рикманн, Клара Халлик

Последние двадцать лет были для населения Эстонии порой значительных перемен, связанных с построением национального государства. Переустройство общества осуществлялось в основном в соответствии с параметрами этнической принадлежности и гражданского статуса. Общая траектория изменений проходила начиная с полного исключения из участия в восстановленном государстве некоторых групп населения (тех, кто согласно закону об иностранцах 1993-го года незаконно пребывал в государстве) и до последующей легализации проживания в Эстонии и приобретения временных и постоянных видов на жительство и возможности получения гражданства. Начиная с 1997–1998 годов на политическую повестку дня вышла тема интеграции, что привело к принятию соответствующей государственной программы. Ведущей мыслью первой программы (2000–2007) было интегрирование неэстонцев в эстонское общество главным образом посредством культурно-языкового подхода. Основной посыл следующей, до настоящего времени действующей интеграционной программы (2008–2013) сосредоточен по форме на всеобщей интеграции общества на основе демократических ценностей. Ключевыми словами интеграционной программы являются равные возможности, усиление государственной идентичности и преодоление разобщенности по национальному признаку, чтобы побудить всех членов общества вносить свой посильный вклад в развитие государства и общества.

Целью следующей программы развития «Lõimuv Eesti 2020» и интеграционной политики на ближайшие годы также является усиление сплоченности общества через участие и вовлеченность людей разной языковой и культурной принадлежности в общественную жизнь, для чего, помимо прочего, больше прежнего требуется знать и учитывать «практические знания» людей. Новая интеграционная программа ставит целью соответствовать актуальным на момент ее составления тенденциям развития общества: внести общие изменения в подход к меньшинствам, учесть все более набирающие темп изменения на рынке труда, обусловленные свободным передвижением рабочей силы, в том числе и растущую потребность конкурировать с другими государствами за качественную рабочую силу, унифицирующее влияние Европейского союза на иммиграционную и интеграционную политику. Данное исследование также призвано к жизни с целью лучше понять эти существенные вопросы, которые формируют наше ближайшее будущее.

Разработка интеграционной политики и составление нацеленной на будущее интеграционной программы являются сложным и многогранным процессом, в который вовлечены различные уровни общества: местный, уездный, государственный и международный. Также это касается многих социально-политических деятелей и их зачастую противоречивых устремлений. Однако выяснение этих особенностей имеет существенное значение для увеличения социальной сплоченности.

Исследование осуществляла рабочая группа, в состав которой входили ученые и эксперты в области интеграции из нескольких институтов Таллиннского Университета, большинство участников команды проекта работает в Институте Международных и Социальных Исследований Таллиннского Университета (IASI). Руководила проектом Эрле Рикманн, за разработку концепции и содержательное редактирование отчета отвечала научный руководитель проекта Герли Ниммерфелдт. В

состав рабочей группы входили Юри Круусвалл, Елена Хелемяэ, Маарис Раудсепп, Танель Валлимяэ, Марианна Дроздова, Аида Хачатурян, Трийн Роосалу, Маргарита Казюля, Кристина Линдемманн, Марти Тару, Айвар Йоорик и Теа Похл. За коммуникацию отвечала Наталья Китама. В осуществлении проекта принимали участие Клара Халлик, Сигне Кренстрем, Анастасия Соколова, Лийзи Кеэдус, Юрий Казюля, Игорь Ляпин и Клаудиа Мериккола. Отдельная благодарность Сийн Ауйашу, Лийне Кивимяэ и Лийз Тикерпуу. Языковое редактирование эстонского варианта отчета осуществляла Сийри Сойдро, резюме перевел на английский язык Мартин Аидник, а на русский язык Лилия Тимушева. Благодарим координатора Фонда интеграции и миграции «Наши люди» Кристи Аннисте. Наша огромная благодарность – всем участникам интервью, без их заинтересованности и готовности к сотрудничеству исследование не состоялось бы.

Задача и целевые группы исследования

Основной задачей формируемой на 2014–2020 годы интеграционной программы является создание среды, которая способствует большей социальной сплоченности и отвечает конкретным потребностям как новых иммигрантов, так и постоянных жителей Эстонии, принадлежащих к различным культурным и этническим группам (с точки зрения установленных кластерных и других социальных групп в сфере интеграции).

Цель исследования социальных групп интеграционной сферы – проанализировать опыт, потребности, ожидания и возможности целевых и связующих групп интеграционной политики в процессе интеграции.

Одна часть этого исследования сосредоточена на лучшем понимании внутренней неоднородности традиционно используемой целевой группы интеграционной политики Эстонии, так называемого русскоязычного населения. Опубликованный в 2011-м году «Мониторинг интеграции общества Эстонии 2011» («EIM 2011») указал на то, что в процессе интеграции группы с разным уровнем и тенденцией интеграции нуждаются в разных подходах и мерах поддержки. Осуществлявшаяся до сих пор, направленная в основном на изучение эстонского языка, интеграционная деятельность оказалась недостаточной для увеличения социальной сплоченности («EIM 2011»). Поэтому наше исследование наряду с владением эстонским языком анализирует еще два важных измерения: (1) гражданское самосознание и государственную идентичность, и (2) социально-политическую активность в общественной жизни.

При исследовании русскоязычного населения Эстонии мы исходили из интеграционных кластеров, образованных методом кластерного анализа в соответствии со степенью интегрированности в трех измерениях: гражданская идентичность, социально-политическое участие, владение эстонским языком и его использование. В процессе двухэтапного анализа интеграционных кластеров мы комбинировали количественные и качественные методы. На первом этапе был произведен вторичный анализ базы данных «EIM 2011», в ходе которого во-первых, с помощью метода кластерного анализа в соответствии со степенью интегрированности по каждому из трех интеграционных измерений были выявлены интеграционные модели русскоязычного населения Эстонии. Во-вторых, был составлен социально-демографический профиль кластеров. В-третьих, были проанализированы факторы, влияющие на интеграционные траектории, в том числе контакты с эстонцами, потребление СМИ и информационное поле, этническая и культурная идентичность, гражданский статус. Затем на основе результатов количественного (статистического) анализа с помощью методов группового и персонального интервьюирования были собраны данные. Целью этого было выяснить различия и сходство в опыте, представлениях и установках представителей интеграционных кластеров. Проведенный в рамках данного исследования (а также и в отчете «EIM 2011») кластерный анализ показывает, что русскоязычное население Эстонии в аспекте интеграции имеет очень разносторонний состав, и используемые до сих пор упрощенные категории анализа или разделе-

ния (по национальному признаку, родному языку, гражданству или месту жительства) не отражают в достаточной мере эту неоднородность. В различных регионах Эстонии у выявленных кластеров обнаружилась даже бо́льшая специфика. Увеличенные выборки опросов позволили бы провести кластерные анализы также по регионам (например, кластеры русскоязычных жителей Таллина или Ида-Вирумаа). Также исследование показало, что и среди эстонцев есть люди с разной готовностью к интеграции, и, учитывая возможности увеличения сплоченности общества, было бы полезным и эти группы изучить подробнее.

Помимо интеграционных кластеров в рамках данного исследования были рассмотрены опыт и потребности институциональных целевых групп интеграционного процесса, чтобы уточнить возможности государственной интеграционной политики на уровне этих групп, а также по отношению к институциям, оказывающим значительное влияние на процесс интеграции на уровне индивидов. Оценивая возможности вклада данных институций в процесс сплочения общества, мы исходим не из оценок официальных представителей этих институций, но из опыта и отношения людей, ежедневно соприкасающихся с ними. Своим опытом с исследователями поделились русскоязычные молодые учащиеся гимназий, профессиональных училищ и вузов, группа молодежи из Ида-Вирумаа, представители обществ культуры национальных меньшинств, а также государственные служащие, для которых русский язык является родным.

В качестве отдельной целевой группы исследовали цыган (рома) Эстонии, которые являются хоть и малочисленным, но в культурном плане своеобразным меньшинством, которое нельзя рассматривать как часть русскоязычного меньшинства, и которое в Европейском союзе объявлено нацией, находящейся под особым вниманием интеграционной сферы.

На сегодняшний день одна из целей интеграционной сферы – облегчить приток квалифицированной рабочей силы в Эстонию, в т.ч. поднять интерес к Эстонии у ведущих специалистов и иностранных студентов. Тема новых иммигрантов обещает стать в ближайшие годы одним из ключевых вопросов образовательного и трудового ландшафта Эстонии. Встреча с такого масштаба культурной и социально-экономической неоднородностью этой группы является для жителей Эстонии новым опытом и ставит новые задачи как перед государством, так и перед обществом. Поэтому в качестве сравнительно новой и малоизученной целевой группы интеграционной политики Эстонии мы включили в исследование новых иммигрантов, чтобы изучить их опыт адаптации и проанализировать особенности их интеграции в общество по сравнению с традиционными целевыми группами интеграционной политики. Наше исследование дает представление об интеграции новых иммигрантов из разных социальных слоев, разных стран происхождения и иммигрировавших по разным причинам.

Кроме того, в ходе персональных интервью были собраны данные и описания ситуации от экспертов, хорошо знающих положение целевых групп. Всего состоялось 20 фокусных групп и 22 персональных интервью в Таллине, Тарту и Ида-Вирумаа.

Измерения интегрированности и интеграционные кластеры

Юри Круусвалл

Подходы к интеграции и интеграционной политике сосредоточены в Эстонии на трех основных темах: гражданство и гражданская идентичность, знание и использование языка, а также социальное и политическое участие. Из этого исходит и подход к определению измерений интегрированности. Измерения интегрированности – это сводные признаки (индексы), образованные (используя метод перечисления выполнения условий для исходных признаков) из нескольких отдельных признаков (ответов, полученных при опросе). Интеграционные кластеры – это подгруппы, выделенные при помощи кластерного анализа в соответствии со значениями сводных признаков (индексов) в упомянутых трех измерениях интегрированности. Анализ измерений интегрированности и интеграционных кластеров в данном исследовании проведен на основе данных исследования «Мониторинг интеграции общества Эстонии 2011» с использованием характеристик, выделенных в этом исследовании (см. Lauristin 2011: 196–197).

- ⊙ При составлении **индекса, измеряющего интегрированность как гражданскую идентичность**, исходят из предположения, что наиболее интегрированные русскоязычные жители получили гражданство Эстонии, ценят его и связывают гражданство с политической активностью, считают себя гражданами, имеющими влияние в обществе, и чувствуют свое единение с эстонским государством и эстонским народом.
- ⊙ **Индекс, измеряющий интегрированность как причастность к эстонскому языку** предполагает, что наиболее интегрированные русскоязычные жители лучше владеют эстонским языком и активно его используют при общении с эстонцами и при потреблении эстоноязычных средств массовой информации.
- ⊙ **Индекс, измеряющий интегрированность как участие** характеризует политическое участие (предполагается, что хорошо интегрированные русскоязычные жители политически активны и компетентны и вне выборов, испытывают интерес к внутренней политике и деятельности государственных институтов Эстонии), социальное участие (наиболее интегрированные больше участвуют в гражданских объединениях) и культурное участие (хорошо интегрированные посещают проходящие в Эстонии культурные и спортивные мероприятия).

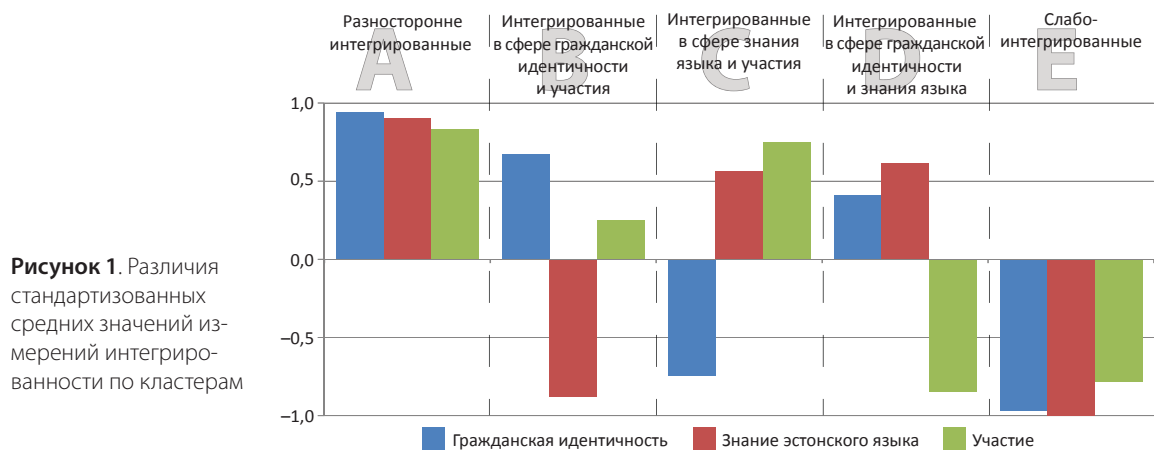
Последующий анализ подтвердил, что выделенные в соответствии со сводными признаками (индексами) измерений интегрированности группы опрошенных отличаются друг от друга и по другим параметрам (т.е. не только статистически, но и реально значимы). В таблице 1 представлено распределение населения по уровням каждого из измерений интегрированности. Из таблицы также видно, что при сравнении аналогичным путем образованных индексов интегрированности, уровень гражданской идентичности и участия эстонцев в среднем выше уровня русскоязычных жителей. Однако эти же сравнительные данные показывают, что и среди эстонцев есть люди с разным уровнем гражданской идентичности и участия.

Таблица 1. Соотношение русскоязычных жителей с разным уровнем интегрированности (и для сравнения эстонцев) по измерениям интегрированности (в процентах)

Уровень интегрированности	Гражданская идентичность (русскоязычные жители)	Знание и использование эстонского языка (русскоязычные жители)	Участие (русскоязычные жители)	Гражданская идентичность (эстонцы)	Участие (эстонцы)
Низкий уровень	30	20*	24	2	12
Средний уровень	41	32**	52	36	48
Высокий уровень	29	48	24	62	40

В сфере знания и использования эстонского языка: * нулевой уровень **низкий уровень

Из нескольких вариантов кластерного анализа данных исследования «ЕИМ 2011» пятикластерная модель наилучшим образом охарактеризовала интегрированность как гражданскую идентичность, причастность к эстонскому языку и участие. На рисунке 1 представлены средние по кластерам значения стандартизованных индексов, исходя из которых можно условно дать кластерам название.

В пятикластерной модели наиболее многочисленными из интеграционных кластеров оказались разносторонне интегрированные (кластер А) и слабоинтегрированные (кластер Е), составляющие соответственно 22% и 26% русскоязычного населения Эстонии в возрасте 15–74 лет. Кластер А образуют респонденты с относительно высокими значениями индексов по всем трем измерениям интегрированности, или, другими словами, их характеризует как сильная гражданская идентичность, хорошее знание эстонского языка и его активное использование, так и относительно высокий уровень политического и социального участия. Кластер Е охватывает респондентов, чьи показатели в этих трех измерениях противоположны показателям представителей кластера А. Это означает, что их характеризует ниже среднего гражданская идентичность, слабое знание эстонского языка и недостаточное участие в общественной жизни. Между этими двумя размещаются три группы, чьи интеграционные показатели по одному из трех параметров ниже среднего, таким образом они являются так называемыми «частично интегрированными». Интегрированные в измерении гражданства и участия, или кластер В, который составляет 16% русскоязычного населения Эстонии, включает респондентов, у которых значения индексов по параметрам гражданской идентичности и участия выше среднего, но по владению и использованию эстонского языка значение индекса ниже среднего. Респонденты, интегрированные в измерении знания языка и участия, или входящие в кластер С, имеют относительно высокие показатели политического и социального участия, хорошо знают эстонский язык и общаются на нем, но их сводный показатель параметра гражданской

идентичности значительно ниже среднего. На кластер С приходится 18% русскоязычного населения Эстонии. В кластере D сгруппированы респонденты с хорошим знанием эстонского языка и с показателями гражданской идентичности относительно выше среднего, то есть интегрированные в измерении гражданства и знания языка, но политически и социально малоактивные. На кластер D приходится 18% русскоязычного населения Эстонии.

Рисунок 2. Краткое описание интеграционных кластеров

Кластерная структура русскоязычных жителей различается, если разделить Эстонию на три региона: Таллинн, Ида-Вирумаа и другие регионы (см. Таблицу 2). Среди русскоязычного населения Таллинна в большей мере представлены кластер А и С, в Ида-Вирумаа – кластеры В и Е, и в других регионах – кластеры А и D. В то же время в Ида-Вирумаа кластер А, кластер В в Таллинне и других регионах и кластеры С и D в Ида-Вирумаа представлены в меньшей мере. Кластерная структура жителей различных регионов позволяет направлять региональную интеграционную политику исходя из проблем доминирующих кластерных групп (например, в Ида-Вирумаа можно было бы помимо обучения эстонскому языку также способствовать переходу из кластера Е в кластер В, т.е. больше заниматься вовлечением русскоязычных жителей в общественную жизнь и способствовать усилению их гражданской идентичности).

Таблица 2. Распределение интеграционных кластеров по регионам, %

	Таллинн	Ида-Вирумаа	Другие регионы	Всего
	%	%	%	%
Кластер А: разносторонне интегрированные	28	10	28	22
Кластер В: интегрированные в сфере гражданской идентичности и участия	12	26	9	15
Кластер С: интегрированные в сфере знания языка и участия	25	8	17	18
Кластер D: интегрированные в сфере гражданской идентичности и знания языка	15	11	31	18
Кластер Е: слабоинтегрированные	20	45	15	26
Всего	100	100	100	100

Кластерный анализ показывает, что на основании признака **гражданства** невозможно дифференцировать интеграционные меры, так как ни одна из групп по гражданству не интегрирована полностью, слишком много или слишком мало по рассматриваемым трем измерениям, но состоит из людей с очень разными интеграционными проблемами (см. таблицу 3).

Таблица 3. Кластерный состав групп с различным гражданством, %

Гражданство	Эстонии	России	Другого госуд.-ва	Неопределенное (лица без гражданства)	Всего
	%	%	%	%	%
Кластер А: разносторонне интегрированные	34	9	8	10	22
Кластер В: интегрированные в сфере гражданской идентичности и участия	16	12	0	19	15
Кластер С: интегрированные в сфере знания языка и участия	14	16	61	21	18
Кластер D: интегрированные в сфере гражданской идентичности и знания языка	26	8	8	11	18
Кластер Е: слабоинтегрированные	10	55	23	39	26
Всего	100	100	100	100	100

Среди русскоязычных жителей, имеющих гражданство Эстонии, 60% составляют представители кластеров А и D с более сильной гражданской идентичностью и лучшим знанием эстонского языка. Тем не менее следует отметить, что среди граждан Эстонии много принадлежащих и к кластеру В с низким знанием эстонского языка, и к кластеру С со слабой гражданской идентичностью и даже к кластеру Е – слабоинтегрированным. Хотя среди жителей Эстонии – граждан России и лиц с неопределенным гражданством, большую часть составляют принадлежащие к кластеру слабоинтегрированных (Е), есть среди них и много людей с различным интеграционным потенциалом. Более интегрированных граждан России следует также рассматривать в качестве целевой группы интеграции (по-видимому, они приняли гражданство России по практическим соображениям), для лучшей интеграции людей с неопределенным гражданством следует исходить из анализа их кластерной принадлежности: помимо повышения эффективности обучения языку, необходимо также воспитание гражданской идентичности и вовлечение в общественную жизнь.

Анализируя **контакты** русскоязычных жителей с **эстонцами** выясняется, что показатели ежедневного общения (частота общения и количество различных сфер общения) связаны с характеристиками интеграции сильнее, чем признак, характеризующий постоянные контакты. Если почти все, принадлежащие к кластеру А и к кластеру D, общаются с эстонцами ежедневно, то постоянные контакты с эстонцами отсутствуют у четверти представителей кластера А (таким образом, возможно быть успешно интегрированными, не имея постоянных контактов с эстонцами) и у трети пред-

ставителей кластера D (и в этом выражено их недостаточное участие в общественной жизни Эстонии). В регионах, где ежедневное общение с эстонцами мало возможно (Ида-Вирумаа), наиболее интегрированных русскоязычных жителей от слабоинтегрированных отличает именно наличие количества постоянных связей (например, постоянные контакты с эстонцами имеются у большего количества респондентов, принадлежащих к кластеру B, чем у принадлежащих к кластеру E).

Препятствия к участию вместе с эстонцами в гражданских объединениях и обществах (недостаточное владение эстонским языком, недостаток информации на русском языке, культурные различия) чаще отмечают те русскоязычные жители, которые сами сравнительно хорошо владеют эстонским языком и более активно участвуют в общественной жизни (принадлежащие к кластерам A и C). Но представители кластеров B и E, плохо владеющие эстонским языком, чаще называют отсутствие интереса в качестве препятствующего фактора. Таким образом, для расширения пространства общения между эстонцами и русскоязычными жителями следовало бы подумать прежде всего о привлекательности совместных мероприятий, в свою очередь совместная деятельность способствует усвоению эстонского языка и пониманию культуры.

Осведомленность о происходящем в месте проживания, в Эстонии, в Европейском союзе и России сильнее всего связана с индексом участия. Наиболее информированными чувствуют себя принадлежащие к тем кластерам, которых характеризует более высокий уровень участия (кластеры A, B и C) и наименее информированными чувствуют себя те, которых характеризует более низкий уровень участия – интегрированные в сфере гражданской идентичности и знания языка (кластер D) и слабоинтегрированные (кластер E). Поскольку мы не знаем, что именно стоит в каждом конкретном случае за связью между осведомленностью и параметром участия (слабый интерес и политическая отчужденность обуславливают слабую осведомленность, либо низкий уровень осведомленности повышает отчужденность), то, говоря о возможном влиянии каналов информации на интеграцию, следует в любом случае сделать информацию более доступной для менее интегрированных людей, что означает ее доступность на языке меньшинства (тогда по крайней мере отсутствие информации не будет препятствовать подъему уровня участия).

С параметром интеграции теснее всего связано **разнообразие использования эстоноязычных каналов**: чем больше эстоноязычных каналов информации человек считает для себя существенными, тем выше показатели интеграции. Более многочисленное использование глобальных каналов информации связано сильнее всего с измерением участия (представители кластеров D и E с низким уровнем участия меньше следят за глобальными каналами информации). Следовало бы указать также на позитивную связь между более широким использованием русскоязычных каналов Эстонии и показателями измерения гражданской идентичности, что указывает на возможность более эффективного использования этих каналов при формировании гражданского самосознания.

Говоря о **связях русскоязычных жителей со своей национальной культурой**, можно сказать, что в измерении знания эстонского языка и участия для представителей более интегрированных кластеров (кластеры A и C) характерна большая значимость фактора религии и культуры и меньшая значимость фактора дома и родины в качестве связующих со своей нацией. У представителей кластеров A и C нет четких предпочтений в части праздников (ни одна из трех групп праздников – эстонские праздники, русские церковные праздники, российские государственные праздники – не доминирует по своей численности над другими). Относительно меньшее значение фактора религии и культуры в ощущении связи со своей нацией характерно для кластеров с низким уровнем участия (кластеры D и E). А относительно высокая значимость фактора истории и языка связывается с более низким уровнем причастности к эстонскому языку и более частым отмечанием русских праздников (кластеры B и E).

В заключение можно сказать, что интеграционные кластеры делят русскоязычное население Эстонии на подгруппы, которые отчетливо отличаются друг от друга по всем трем измерениям интегрированности. Описанные кластерные модели демонстрируют прежде всего многомерное, на

первый взгляд скрытое (латентное), разнообразие среди контингента исследуемых. Но поскольку определение групп происходит путем сравнения средних значений исходных признаков (измерений интегрированности) по кластерам, то в случае каждой кластерной модели всегда есть индивидуумы, профиль которых более или менее соответствует описанию определенного кластера. Это означает, что основным результатом кластерного анализа являются не пропорции выявленных групп (процентное соотношение в объеме исследуемых), но скорее новое знание о наличии качественно различных подгрупп среди исследуемых (в данном случае русскоязычных жителей), чьи потребности, мнения и влияние следует учитывать при планировании интеграционной политики.

Профиль **кластера А** говорит о том, что в плане параметров интеграции разносторонне интегрированные русскоязычные жители Эстонии не представляют из себя образцовой модели интеграции, у них присутствует критический взгляд на различные проблемы общества Эстонии (почти $\frac{2}{3}$ считает произошедшие в Эстонии изменения скорее прискорбными и более трети не довольны жизнью). Заслуживает внимания и то, что кластер А образует лишь одну треть из русскоязычных жителей, имеющих гражданство Эстонии, таким образом, наличие гражданства еще не гарантирует разностороннюю интегрированность.

Наличие **кластера В** говорит прежде всего о возможности интеграции (в измерении гражданской идентичности и участия) также и в случае низкого уровня владения эстонским языком. Тот факт, что входящие в этот кластер проживают преимущественно в тех же регионах, что и представители кластера Е (слабоинтегрированные) (в Ида-Вирумаяа и в Таллинне), указывает на возможное перемещение из кластера Е в кластер В как перспективу интеграции для также слабо владеющих эстонским языком представителей кластера Е.

В связи с **кластером С** возникает вопрос, почему определенная часть общественно более активных и знающих эстонский язык на среднем уровне русскоязычных жителей имеет более низкую гражданскую идентичность (низкое стремление к обретению гражданства Эстонии, не чувствуют свою принадлежность к эстонскому народу и т.п.). Заключается ли причина в принципиально более критичном отношении, свойственном части русскоязычных жителей Таллинна (кластер С чаще представлен среди жителей Таллинна) или же, в некоторой мере, более слабом экономическом положении представителей данного кластера по сравнению с другими кластерами – дальнейший анализ должен дать ответ на этот вопрос.

Кластер D поднимает проблему русскоязычных жителей, живущих в относительно хороших интеграционных условиях (в эстоноязычной среде, при наличии большого количества контактов с эстонцами) и до сих пор оставшихся вне поля зрения интеграционной политики: несмотря на хорошее знание эстонского языка и более сильную гражданскую идентичность (формальные показатели интеграции), они оказались за пределами общественной жизни в плане низкого политического, социального или культурного участия. Хотя проблема в случае представителей этого кластера не обязательно является проблемой собственно интеграции (и среди эстонцев есть удалившиеся от общества, отчужденные люди), все же русскоязычные жители с чертами кластера D нуждаются в большем вовлечении в общество (также и со стороны эстонцев).

Кластер E отражает слабоинтегрированный контингент, который характеризует с одной стороны слабое знание эстонского языка, с другой стороны более низкие показатели экономического состояния (высокий возраст, много неработающих, больше сталкивающихся с трудностями и др.). Перспективой интеграции представителей кластера E мог бы быть переход в кластер В (интегрированные в измерении гражданства и участия). Переходу в кластер В в смысле интеграции должно способствовать и то, что представители обоих кластеров проживают в относительно сходных экономических условиях и одинаково критичны как в отношении к изменениям, происшедшим в обществе Эстонии (почти 80% считает их удручающими), так и в отношении к жизни (60% недовольны жизнью). Если для достижения большего участия известной преградой может оказаться пожилой возраст, то повышение гражданской идентичности могло бы стать возможным (прежде всего в смысле причастности к Эстонии и политической активности).

Ни модели интеграционных кластеров, ни пропорции распределения кластеров среди населения не могут служить измерениями течения интеграционного процесса во времени, так как в случае повторного исследования вовсе не обязательно в результате кластерного анализа параметров интеграции, выделенных точно по тому же алгоритму, будет получена кластерная модель, аналогичная образованной в предшествующем исследовании. Зато качественные изменения, произошедшие в кластерных моделях (какие параметры оказываются лучше характеризующими кластеры, как кластеры различаются по фоновым признакам и т.д.) могут характеризовать тенденции, имеющиеся в процессе интеграции.

Поскольку кластерный анализ позволяет в зависимости от исходных условий и процедуры анализа получить разные результаты, то с точки зрения непрерывности исследований и сопоставимости результатов исследования более информативными являются индексные параметры (их можно составить заново из тех же признаков по тому же правилу). Именно на основе изменений, происходящих в значениях измерений интеграции (гражданская идентичность, причастность к эстонскому языку, участие или еще какое-либо измерение) возможно описать тенденции интеграционного процесса и оценить эффективность интеграционной политики.

Интеграционные кластеры: анализ результатов фокус-групп и персональных интервью

Марианна Дроздова, Маарис Раудсеп

Основываясь на результатах вторичного анализа данных (выборочного опроса всего населения) «EIM 2011», в рамках данного проекта были проведены групповые и персональные интервью с представителями всех интеграционных кластеров. Целью этого было понять первопричины опыта, восприятия и отношения представителей интеграционных кластеров. Для отбора участников групповых интервью, т.е. для определения принадлежности к кластерам, был проведен предварительный опрос по пунктам, на основе которых определялись кластеры в «EIM 2011». С представителями интеграционных кластеров провели в общей сложности восемь групповых интервью, из них четыре состоялись в Таллинне, три в Ида-Вирумаа (в Нарве) и одно в Тарту.

Сравнивая прозвучавшие в различных кластерных группах мнения об интеграции и связанные с интеграцией потребности и ожидания, выясняется, что ряд возникших тем пересекаются. Основные различия между кластерами проявляются в ощущении актуальности тем и в акцентах. В таблице 4 представлены выявленные в ходе покластерных групповых интервью сходства и различия во мнениях представителей интеграционных кластеров в соответствии с четырьмя обсуждаемыми темами, бывшими в фокусе исследования: 1) Единство общества и ощущение потребности в интеграции; 2) владение эстонским языком и его использование; 3) гражданская идентичность; 4) социальное и политическое участие.

Таблица 4. Сравнение интеграционных кластеров на основе тем, поднятых в ходе фокусных интервью (обозначения: «+» тема обсуждалась в ходе фокусных интервью, «-» несогласие с данным вопросом в фокус-группе)

	A	B	C	D	E
Единство общества и потребность в интеграции					
Интеграция воспринимается как искусственная и ассимилирующая, цели интеграции – сконцентрированными на национальное государство и далекими от людей. Главенствует скептическое отношение к интеграции.	+	+	+	+	+
Разделение общества на два сообщества не воспринимается как проблема, разобщенность сильнее проявляется в дискурсе средств массовой информации на политическом уровне, при ежедневном общении конфликтов нет и особой потребности в интеграции не ощущается	+	+	+	+	+
Сильное отчуждение от эстонского государства и ожидание большего внимания со стороны государства к проблемам людей	+	+	+	+	+
Осуждение ощущаемой нетерпимости: ощущение, что создается негативная стигматизация русских в средствах массовой информации, в школьных учебных программах, происходит раздувание российской опасности	+	+	+	+	+
Разочарование от существующей интеграционной политики (сильнее в случае E и C), мало веры в результативность		+	+	+	+
Осуждение неравного обращения: ощущается негативная дискриминация русскоязычных людей в трудовых отношениях (при приеме на работу, при оплате труда, при поощрении)			+	+	
Сильная потребность сохранить свою этническую идентичность. Ассимилирующе ощущаемая интеграция вызывает сильный протест			+		+
У молодежи более положительный взгляд на интеграцию по сравнению со старшим поколением		+			
Ощущают, что к русскоязычным относятся как к людям второго сорта	-		+		
Ощущают потребность в новой политической силе, которая поставила бы своей целью сплочение общества			+		

	A	B	C	D	E
Владение эстонским языком и его использование (медиа)					
Знание эстонского языка и способность общения на эстонском языке считают важными	+	+	+	+	+
Постоянно изменяющиеся/возрастающие языковые требования и постоянное беспокойство о достаточном знании языка порождают стресс	+	+	+	+	+
Сильная критика деятельности языковой инспекции, как из-за ее негативного влияния на мотивацию изучения языка, так и из-за ослабления позиции национальных меньшинств на рынке труда (знание языка превалирует над профессиональной компетентностью)	+	+	+	+	+
Важным считают сохранение возможности русскоязычного образования как альтернативы	+/-	+	+	+	+
Для обучения языку важна поддержка со стороны государства, в то же время важна и мотивация самих людей		+		+	+
Существенным препятствием обучения языку является страх, который обусловлен языковой проверкой и аналогичными карательными мерами		+			+
Положительный опыт от поддержки эстонцев при обучении языку, от общения на эстонском языке	+		+		
Русский язык мог бы быть вторым государственным языком	-		+/-		+
Отрицательный опыт от отношения эстонцев к начинающим изучать эстонский язык				+	
Все возможности созданы, успех обучения языку зависит прежде всего от мотивации и отношения людей	+				
Гражданская идентичность					
Эстония – это родина, близкая; актуальна связь с природой, землей и культурой, хотя есть отчуждение от государства	+	+	+	+	+
Желательно, чтобы государство признало всех живущих здесь постоянных жителей	+	+	+	+	+
Требования натурализации для родившихся в Эстонии воспринимаются как оскорбительные	+	+	+	+	+
Чувствуется, что нынешняя сильная стигматизация России и представление ее в негативном свете программирует эстонцев на нетерпимость в отношении к России, к людям, говорящим на русском языке, уменьшая тем самым их принятие со стороны эстонцев	+	+	+	+	+
Из отношения государства к национальным меньшинствам делают вывод, что оно нуждается в них только как в налогоплательщиках, а не как в полноценных членах общества	+/-	+	+	+	+
Эстонское гражданство (паспорт) имеет инструментальное значение, которое позволяет поехать в Европу или препятствует поездке в Россию		+	+	+	+
Существенным фактором, укрепляющим гражданскую идентичность, является возможность вносить вклад в эстонское общество, реализовать себя в Эстонии, в том числе и профессионально	+	+	+		
Чувство родного дома связано прежде всего с людьми, которые здесь живут, с могилами родителей		+		+	+
Статус лица с неопределенным гражданством – это вынужденная мера		+	+		+
Принятие гражданства – свободный выбор, так же как и проживание с неопределенным гражданством – свободный выбор	+				
Социальное и политическое участие					
Ощущается необходимость расширять общение между эстонцами и русскоговорящими, количество контактов и их качество	+	+	+	+	+
Политическое участие происходит в основном через участие в выборах		+		+	+
Существенным препятствием для участия является отсутствие информации о возможности участия, также страх/предубеждения по отношению к открытости эстоноязычных мероприятий для русскоязычных – ощущение своей нежелательности		+		+	+
Деятельность гражданского общества связывают прежде всего с кружками по интересам, спортивной и культурной деятельностью, также с деятельностью квартирных товариществ		+		+	+
Для продвижения интересов своей национальной группы используют гражданские объединения	+		+		
Участие проявляется в иной форме, чем это измерено в ходе опроса «EIM 2011», например, деятельность внутри непосредственного узкого круга общения может считаться социальной активностью				+	

Единство общества и потребность в интеграции

Независимо от кластерной принадлежности ощущается разделение эстонского общества по национальности и языку, а также на социально-экономическом уровне. Преодоление последнего существенно для всего эстонского общества в целом, национальный вопрос актуален здесь лишь тогда, когда доля меньшинств в более слабых общественных группах непропорционально высока.

Но поскольку в повседневной жизни и на бытовом уровне этнических конфликтов не наблюдается, то в параллельном существовании двух этно-культурных сообществ участники дискуссий в большинстве случаев проблемы не видят, хотя при более детальном рассмотрении выявляется ряд проблем, характерных для представителей меньшинств. Стирание границы между этно-культурными сообществами не считают необходимым, а зачастую и возможным (поскольку этнические различия воспринимаются в значительной степени естественными). Поэтому меры, которые направлены исключительно на увеличение связи между этими двумя сообществами, воспринимаются как лишние, но в наличии разных культурных пространств и в значительной обособленности сетей об-

щения не видят препятствий к формированию единой идентичности. Тем не менее признается, что ощущению и функционированию единого общества препятствует проживание людей с разным родным языком в разных информационных полях, а также разное видение (интерпретация) происходящего, поэтому двустороннее расширение единой информационной составляющей должно стать важной целью интеграционной политики. Представители всех интеграционных кластеров подчеркивали, что в Эстонии требуется больше информации на русском языке, как касающейся государства, так и информации, связанной с решением бытовых проблем: например, сайты министерств, правовые акты, инфолистки к лекарствам. Перевод существенной информации важен как с практической, так и с символической точки зрения: тем самым людям посылается сигнал, что государство о них заботится.

С точки зрения единого государственного самосознания, проблемными видятся также подчеркивание этно-лингвистических границ и противопоставление сообществ в медийном и политическом дискурсах. Разобщенность общества на уровне публичного дискурса воспроизводят прежде всего СМИ, которые обвиняются в разжигании этнических конфликтов и нетерпимости путем как несбалансированного представления меньшинств, так и представления России лишь источником опасности. Эстоноязычные средства массовой информации видят свою аудиторию очень узко и не обращаются к представителям других национальностей, которые составляют немалую часть их аудитории. Царящий в средствах массовой информации негативный тон еще более понижает мотивацию национальных меньшинств следить за эстонскими средствами массовой информации и, таким образом, представители национальных меньшинств отстраняются от местного информационного поля. Для того, чтобы русскоязычные люди, владеющие эстонским языком, доверяли в качестве источника информации эстоноязычным медиаканалам, следовало бы обращать в них больше внимания на не оскорбляющее русских содержание и словоупотребление, а также уменьшить подчеркивание этнических различий и противопоставление мы-они. Те же рекомендации действительны и для политиков и деятелей публичной жизни, которые формируют общий царящий в обществе дискурс. Вместо того, чтобы подчеркивать этно-культурные различия и различия в происхождении, следовало бы свои обращения адресовать ко всему населению Эстонии, включая и национальные меньшинства. Также следовало бы следить за тем, как трактуются различные чувствительные темы, которые имеют разное значение для этнических эстонцев и местных национальных меньшинств.

Формированию необходимой для увеличения сплоченности общества единой идентичности препятствуют дистанцирующее отношение эстонцев к представителям других национальностей, а также закрытая и этнически направленная государственная идентичность. Несмотря на знание эстонского языка, для эстонцев представители национальных меньшинств остаются все равно «иностранцами».

Представителям всех кластеров присущи критическое и скептическое отношение к существующим интеграционным действиям и их целям, но представители кластера А и С отличаются тем, что, будучи в курсе происходящего в Эстонии благодаря потреблению разносторонних средств массовой информации и высокой социальной активности, они предлагают решения, которые были бы полезны Эстонии в целом, и пытаются со своей стороны способствовать улучшению ситуации.

Цели интеграционной политики воспринимаются далекими от людей и сконцентрированными на интересах национального государства и односторонне направленными, где меньшинства являются объектом. Соответственно существующие интеграционные практики трактуются односторонними и ассимилятивными, что предполагает слияние и потерю культурных различий. Чувствительнее всего к ассимилятивному давлению в сфере интеграции относятся представители кластера Е. Самое положительное отношение к перспективам интеграции у молодых представителей кластера В, которые выразили надежду, что к интеграции общества возможен иной подход.

Владение эстонским языком и его использование

Представители всех кластеров единодушны в том, что знание эстонского языка важно, также существенно поддержка государства в организации языкового обучения. Основные препятствия к изучению языка видятся как в низкой мотивации изучения эстонского языка русскоязычными жителями, так и в низком качестве используемой методики обучения языку (как в школах на уроках языка, так и на языковых курсах). Причинами низкой мотивации являются довлеющая языковая политика и методы ее осуществления, основанные на страхе и наказаниях, а также проявляемое отрицательное отношение эстонцев к начинающим изучать язык, еще недостаточно хорошо владеющим языком. Последнее подчеркивали прежде всего представители кластера D, которых характеризует знание языка на уровне выше среднего, но которые проживают преимущественно в эстоноязычной среде (за пределами Таллинна и Ида-Вирумаа). Однако представители кластеров A и C, которые также хорошо интегрированы в измерении причастности к эстонскому языку, указали на положительный опыт поддержки эстонцев при изучении и использовании языка. Снова и снова как причина слабого знания языка нашел подтверждение указанный и в более ранних исследованиях недостаток возможностей языковой практики (см. Например Исследование влияния программы развития языкового обучения, 2013) и неспособность пожилых овладеть языком. Отсутствие языковой практики особенно актуально для представителей кластеров E и B и регионе Ида-Вирумаа.

Особенно остро дискриминацию по языковому признаку на рынке труда (как при принятии на работу, так и при продвижении по службе) ощущают именно представители кластера D. Представители кластера C тоже были недовольны неравным обращением с русскоязычными людьми на рынке труда, но причиной дискриминации считали прежде всего национальность, что выражается в неравном обращении из-за русского акцента или имени.

Гражданская идентичность

Степень ощущения причастности и принадлежности к обществу Эстонии различались между кластерами в плане того, как воспринимается понятие родины и родного дома, и насколько сильно, исходя из этого, ощущается эмоциональная связь с Эстонией.

Для всех кластерных групп характерна дифференциация связи с Эстонией, эстонским обществом и эстонским государством, особенно сильно выражается различие чувства причастности на разных основаниях в случае представителей кластера C, которые ощущают сильную эмоциональную связь с землей и природой Эстонии, в то время как по отношению к эстонскому государству было выражено очень критическое отношение, они на этом уровне отчетливо дистанцировались от Эстонии. Но и представители других кластеров не чувствуют эмоциональной связи с эстонским государством и считают основным препятствием для ее формирования то, что государство не признает всех жителей Эстонии в равной степени своими. Отчуждение от государства увеличивает и несправедливость, ощущаемая от эстонской политики гражданства, которая не позволяет беспрепятственно получить эстонское гражданство родившимся в Эстонии и тем, кто уже проживал в Эстонии до восстановления независимости.

В отличие от кластера C, в случае которого ощущение Эстонии как родины связывается прежде всего с географическим положением (Эстония как фактическое место рождения и местоположение родного дома), кластеры B, D и E характеризует обоснование чувства родины скорее в связи с живущими (жившими) здесь близкими и более тесной социальной сетью общения, вследствие чего ощущается более сильная связь с непосредственной жизненной средой, а не с Эстонией и эстонским обществом в более широком смысле. Локальное самоопределение особенно характерно для респондентов из Ида-Вирумаа. Более широкая самоидентификация на уровне всего общества свя-

зана с наличием собственного активного вклада в общество посредством профессиональной самореализации и/или общественного участия. Вследствие этого представителям кластера В, которые более активны в измерении участия, более характерна и более сильная гражданская идентичность.

При осмыслении чувства родины существенным для всех кластеров фактором было общее ощущение благополучия, которое связывали как с социально-экономической стабильностью, так и с психологическим чувством удовлетворения и причастности. По сравнению с другими кластерами, в случае кластера С на чувство родины более сильно влияет признание со стороны этнических эстонцев, вследствие чего эмоциональная связь значительно ослабевает, если человек активно вносит свой вклад в общество, но его вклад не ценится. В кластере Е для возникновения чувства родного дома в Эстонии необходимо понимание обычаев и культурного кода эстонцев, но без того, чтобы пониманию этих обычаев сопутствовало давление к их принятию.

Политическое и социальное участие

Участие в политической жизни страны выражается во всех кластерах прежде всего через участие в выборах, в результативности уличной политики сомневаются, либо не упоминают о ней вовсе. В выборах не участвуют преимущественно либо из безразличия, либо из-за скептической уверенности, что участие в выборах не повлияет на решения, принимаемые на уровне государства/местных самоуправлений. Все кластеры связывают деятельность гражданского общества прежде всего с культурой и спортом, либо с инициативами, призывающими к благоустройству сообщества (например, «Сделаем!») или с деятельностью квартирных товариществ. Гражданские объединения как правило не воспринимаются как инструмент, позволяющий отстаивать интересы определенных групп. Исключением являются представители кластера С, которые через гражданские объединения принимали участие в демократических процессах, представляя интересы русскоязычного населения.

Мера и характер активности социального участия значительно различались по кластерам. Представители кластера D, которым свойственна более узкая и сконцентрированная на своем языковом сообществе сеть общения, мало проявляют активность на общегосударственном уровне или уровне местного самоуправления (города-волости-деревни), зато более активно участвуют в деятельности, которая связана непосредственно с их узкой сетью общения и повседневной жизнью, в том числе с профессиональной трудовой деятельностью.

Для всех кластерных групп существенным фактором, определяющим активность участия, был недостаток возможности для деятельности, представляющей интерес, в то же время разные кластеры придерживались различных мнений о том, какая деятельность могла бы представлять интерес. Повсюду, однако, приводили в качестве одного из возможных сильных символических объединяющих мероприятий многоязычный и многонациональный праздник песни (Laulupidu). У такого мероприятия может быть потенциал для преодоления разрыва между двумя сообществами. Он бы дал знак представителям национальных меньшинств, что их культура ценится и их признают, что является существенной предпосылкой формирования общей идентичности. С другой стороны такое большое, направленное на подчеркивание мультикультурности, мероприятие способствовало бы большей открытости эстонцев по отношению к меньшинствам. Также положительный отклик нашли различные общегосударственные общественные проекты, такие как например «Сделаем!», даже в случаях когда сами участники дискуссий не принимали в них непосредственного участия.

В случае представителей кластеров D и E активность участия была сильно связана с финансовым положением. При экономических трудностях активность участия страдает как из-за того, что нет денег на уплату взносов/платы за участие, так и из-за того, что все время и энергия человека уходят на зарабатывание денег, необходимых для выживания.

Кластерный анализ показал разнообразие русскоязычного населения как целевой группы интеграции, а также то, что ни один интеграционный кластер невозможно считать образцом интеграции, который не нуждался бы в поддержке со стороны государства. Из интервью выяснилось, что, например, у всесторонне интегрированных (кластер А) также имеются свои интеграционные потребности, и они ощущают препятствия при их удовлетворении. Интервью с представителями кластера С указывают на то, что и хорошее знание эстонского языка может в неблагоприятной среде способствовать возникновению различных, отрицательных с точки зрения интеграции, последствий: например, более сильное ощущение дискриминации на рынке труда (в том числе осознание феномена стеклянного потолка), нежелание потреблять эстоноязычные средства массовой информации именно по причине их содержания и тональности. Для поддержки интеграции следовало бы учитывать различные потребности интеграционных кластеров при формировании политики интеграции и организации работы учреждений, приводящих ее в жизнь. Характерные и общие потребности интеграционных кластеров приведены в таблице 5.

Таблица 5. Характерные и общие потребности представителей интеграционных кластеров в процессах интеграции

Кластеры	Ожидания и потребности, характерные для кластера	Общие ожидания и потребности
Ощущение потребности в интеграции		
A	Применить положительные меры по поддержке карьеры людей неэстонского происхождения в государственных учреждениях, применить в рабочих коллективах этнические квоты.	Ожидание двунаправленности интеграции, где эстонцы также были бы активно вовлечены и были бы целевой группой интеграционных мер. Ощущение потребности в единой и объединяющей эстонской идентичности. Важным считается понимание эстонской культуры, которая бы не представляла угрозы сохранению собственной культуры. Сильное отчуждение от эстонского государства и ожидание большего внимания со стороны государства в отношении проблем людей. Ожидается большая прозрачность действий с целью интеграции общества (и их финансирование), а также их отражение в средствах массовой информации.
C	Ожидание более сильной государственной поддержки русскоязычному гражданскому обществу, его внедрению.	
B	Для уменьшения проблем интеграции следует найти решение социально-экономическим проблемам и оказывать поддержку развитию более тесных контактов с эстонцами.	
D	Потребность в признании.	
E	Сильная потребность обеспечить сохранение своей культурной идентичности. Ощущаемая ассимилятивная интеграция вызывает сильный отпор.	
Язык, культура и средства массовой информации		
A	Ожидание большей терпимости по отношению к национальным меньшинствам в эстоноязычных средствах массовой информации, нынешнее отражение в СМИ имеет отрицательное влияние.	Ожидается равное обращение с национальными меньшинствами независимо от языка; Ожидание изменения содержания и тона средств массовой информации на более терпимые; Ожидается развитие местных русскоязычных СМИ для обеспечения более разностороннего освещения местных тем и развития событий, чтобы это отражало и царящий в эстоноязычных СМИ дискурс. Ожидается отказ от использования методов давления в области языка (например, штрафов). Ожидается подъем качества обучения эстонскому языку и установление контроля качества над языковыми курсами. Обеспечить доступность бесплатного обучения языку. Нужно больше языковых курсов, целью которых является развитие владения языком, а не натаскивание на сдачу экзамена на знание государственного языка/языковую степень. Необходимость поднять престиж русского языка в обществе; Усилить ознакомление с русской культурой в эстонских школах Потребность в большем объеме русскоязычной информации
C	Уменьшить неравное положение национальных меньшинств на рынке труда, обусловленное деятельностью Языковой инспекции.	
D	Ожидается более терпимое отношение эстонцев к изучающим язык, которые еще пока слабо владеют языком. Потребность обеспечить доступность льготных курсов эстонского языка и для тех, у кого сдан экзамен на знание государственного языка, но знание языка остается слабым – для обеспечения реального практического знания языка, который необходим для конкурирования на рынке труда.	
B	Потребность считаться с вызовами при изучении языка, обусловленными отсутствием языковой практики (в Ида-Вирумаа) и учитывать это при применении Закона о языке.	
E	Нужно больше русскоязычной публичной информации.	
Гражданская идентичность		
A	Существенно признание со стороны государства вклада этих людей на благо государства и общества.	Важно признание на государственном уровне и принятие со стороны эстонцев всех здешних постоянных жителей и особенно национальных меньшинств; Существенно содействовать принятию в обществе единой и объединяющей государственной идентичности, которая бы не вступала в противоречие с этнической идентичностью национальных меньшинств. Ожидается ослабление требований к гражданству; возможность получения гражданства в упрощенном порядке для родившихся в Эстонии, кто жил и работал в Эстонии последние 20 лет. Существенно изменение отрицательного образа России на более нейтральный – в эстоноязычных средствах массовой информации, в литературе, в школьных программах по истории.
B	Ожидание больших возможностей для реализации своего потенциала в работе на благо общества – как в гражданском обществе, так и посредством профессиональной деятельности, независимо от владения языком.	
D	Для увеличения чувства причастности важно увеличить привлечение национальных меньшинств на уровне сообществ, особенно существенно это за пределами Таллина и Ида-Вирумаа.	
C, E	Важно избежать ощущаемой навязываемой и ассимилятивной политики, в том числе признать культурную самобытность национальных меньшинств и их место в культурной среде Эстонии.	

Социальное и политическое участие	
A, C	Избегать подавления гражданской активности меньшинств; выработать действенные и разносторонние механизмы финансирования и поддержки гражданских объединений.
B	Потребность в более эффективных механизмах поддержки участия. Существенна информация на русском языке как о возможностях участия так и об организации – возможности финансирования, поддержка и т.д.
D	В регионах, где доля национальных меньшинств среди населения существенно ниже, обеспечить готовность эстоноязычных организаций к привлечению представителей национальных меньшинств, а также осведомленность о необходимости и возможностях их привлечения, стимулировать привлечение. Обратить внимание на разнообразие доступных форм участия для привлечения людей, отличающихся от основной массы.
E	Потребность обеспечить доступность русскоязычной информации о возможностях участия.

Потребность содействовать общению эстонцев и национальных меньшинств и количеству и качеству контактов – в гражданских объединениях, на уровне сообществ. Особенно это актуально в регионах, где доля национальных меньшинств в населении меньше.

Желательно больше общих мероприятий с эстонцами, которые бы основывались на общечеловеческих ценностях или в которых бы признавались неэстонская культура (например, многоязычный праздник песни).

Для преодоления пассивности, обусловленной более слабым социально-экономическим положением, обеспечить эффективные механизмы финансирования и доступную информацию о возможностях их использования/поддержки (информация на русском языке, консультации, поддержка при написании проектов/руководстве проектами и т.д.).

Наряду с особенностями интеграционных кластеров наше исследование выявило также и большое пересечение в интеграционных потребностях и ожиданиях разных кластеров. Хотя исследуемая группа очень разнородна, в разных интеграционных кластерах присутствуют общие ожидания и потребности применительно к вопросам, которые мы рассматривали в интервью фокусных групп, часть общих тем возникла в обсуждениях независимо от обсуждаемых вопросов. Несмотря на все существенные различия, людей, использующих русский язык как язык общения в Эстонии, объединяют определенные общие проблемы, которые с точки зрения интеграции существенны для большинства – как для тех, кто не владеет эстонским языком или не имеет гражданства Эстонии, так и для тех, кто уже всесторонне интегрирован. Всех опрошенных объединяли (1) потребность быть признанными в эстонском обществе и государстве вместе со своими этническими особенностями, (2) ожидание равного обращения, (3) готовность вносить вклад в эстонское общество и культуру и исходящее из этого (4) ожидание, что эстонцы воспримут их как своих и как часть общества Эстонии. То обстоятельство, что общие ожидания русскоязычных жителей не различаются по интеграционным кластерам, указывает на то, что для описания факторов интеграции как формирования социально сплоченного общества, необходимо создать еще и другие параметры, часть которых отражает различные уровни ожиданий и готовности русскоязычных жителей, а другая часть – готовность эстонцев ответить на эти ожидания.

Образование молодежи

Русскоязычная молодежь, обучающаяся в гимназии

Маргарита Казюля, Елена Хелемяэ, Аида Хачатурян

В рамках исследования русскоязычная молодежь, которая получает свое образование в гимназии, была выделена в качестве одной из целевых групп, поскольку с 1 сентября 2011 года иноязычные муниципальные гимназии перешли на эстонский язык обучения. Согласно Программе развития системы общего образования на 2007–2013 целью перехода иноязычных школ на эстонский язык обучения является обеспечение учащимся, для которых эстонский язык не является родным, равных возможностей для получения профессионального и высшего образования и успешности на рынке труда, что в свою очередь увеличило бы лояльность неэстонцев и сплоченность общества.

В рамках исследования было проведено четыре групповых интервью в трех различных с точки зрения этно-лингвистического состава регионах: два интервью в Таллинне, одно в Ида-Вирумаа и одно в Тарту. В ходе интервью выяснилось, что опыт перехода с русского языка обучения в основной школе на эстонский язык обучения в гимназии оказался для учеников болезненным. Среди причин упоминались: отсутствие учебников и учебных материалов на эстонском языке; небольшое количество учителей, компетентных и в эстонском языке, и в преподавании предмета (по мнению учеников учителя владели либо эстонским языком, либо преподаваемым предметом); в случае ряда предметов резкий переход от русскоязычной терминологии, усвоенной в основной школе (весной) к терминологии на эстонском языке (осенью). Все это вызывало у гимназистов тревогу за качество приобретаемого ими образования. Доминировало мнение, что в результате такого перехода русскоязычная молодежь не усвоит ни эстонского языка, ни предметов на уровне, необходимом для осуществления ее планов.

Исходя из этого делался вывод, что возможности русскоязычных гимназистов конкурировать в Эстонии на равных с этническими эстонцами значительно уменьшились. Поскольку такой опыт молодежи совпал с предупреждениями организаций и отдельных личностей, выступавших в защиту русскоязычной школы, то это усугубило пессимизм молодежи в отношении возможностей влиять на положение дел как в системе образования, так и шире – в обществе. Переход на эстонский язык обучения воспринимается как давление правительства.

Из интервью следует, что по мнению гимназистов русскоязычная молодежь будет «голосовать ногами», т.е. доминирующей стратегией адаптации считают они отъезд из Эстонии. Это относится и к молодежи, считающей Эстонию своей родиной. Для тех, кто предпочитает остаться в Эстонии, именно эстонскую гимназию, а не обучение на эстонском языке в иноязычной школе считают гимназисты залогом успеха для дальнейшего продвижения в Эстонии (поскольку эстонский язык усваивается в эстоноязычной среде, не будет обязанности подтверждать уровень владения эстонским языком и т.д.). Однако для себя они не видят вариант эстонской гимназии ни возможным (родители должны были бы определить их в эстонскую школу с первого класса или даже в эстонский детский сад), ни желательным (отчасти из боязни утратить связь с родным языком и русской культурой, отчасти из-за того, что они слышали об опыте учебы русскоязычных детей в эстонской школе).

И среди очень хорошо владеющей эстонским языком молодежи оказались представленными гимназисты, настроенные на отъезд из Эстонии. В одной из фокус-групп был упомянут сценарий, согласно которому хорошо владеющие эстонским языком молодые люди планировали получить бесплатное высшее образование в Эстонии и уже затем, будучи образованными людьми, покинуть страну. Причины для отъезда назывались разные, но большинство из них были связаны с озабоченностью по поводу наличия перспектив для себя в Эстонии. Доминировала (основанная на опыте близких) уверенность, что даже в случае хорошего владения эстонским языком русская фамилия может оказаться основанием для дискриминации на рынке труда в Эстонии.

Во всех интервьюируемых группах, особенно в Таллинне и Тарту, были представлены молодые люди, которые считали Эстонию своим домом. В Ида-Вирумаа доминировала идентификация с уездом. Ответ на вопрос о принадлежности к эстонскому народу отражал то, какой смысл вкладывали гимназисты в понятие «эстонец». Большинство ответило на этот вопрос отрицательно.

Опрошенные считают, что мнения русскоязычной молодежи и также шире – мнения общественности не принимаются во внимание на политическом уровне. Политическую деятельность и высказывание своего мнения считают бессмысленными.

Варианты социального участия и контактов с эстонцами более разнообразны. Среди гимназистов есть те, кто достаточно активно участвует в общественной жизни. Как правило, эти молодые люди владеют в определенной степени разговорным эстонским языком. Они общаются так же со сверстниками – эстонцами. Такие молодые люди не ощущают неприятия со стороны общества. С другой стороны есть те, кто дает пессимистическую оценку своему положению, чувствует себя «физически и психически ограниченными в возможностях». Причину проблемы видят в низком уровне информированности русскоязычной молодежи о происходящем в стране и в Таллинне. В качестве важной причины того, что эстонская и русскоязычная молодежь не достаточно участвует вместе в общественных мероприятиях, менее активные называют языковой барьер.

Русскоязычная молодежь, обучающаяся в профессиональных училищах

Елена Хелемяэ

Одной из целевых групп настоящего исследования были выбраны русскоязычные учащиеся профессиональных училищ, прежде всего в связи с принятием нового закона о профессиональных учебных заведениях, одобренного Рийгикогу 12-го июня 2013. Переход на эстонский язык обучения происходит в обстановке, где все больше проявляется поляризация неэстонской молодежи в части знания эстонского языка. Этот разрыв, в свою очередь, совпадает с поляризацией молодежи в части доступного для нее уровня образования и социально-экономического положения родителей. Если результативность обучения эстонскому языку в основной школе значительно не улучшится, то перевод профессионального образования на эстонский язык обучения будет еще больше способствовать поляризации, поскольку из-за скромного владения эстонским языком может увеличиться (по крайней мере, на начальном этапе) отсев русскоязычной молодежи из профессионального образования. По словам экспертов по профессиональному образованию, видимо, эта молодежь ограничится приобретением специальности, не получив среднего образования.

Мы провели групповые интервью в Таллинне и в Ида-Вирумаа (в Йыхви). В оценках учащихся профессиональных училищ Таллинна и Ида-Вирумаа, в их жизненном опыте, помимо множества общих черт выявилась и региональная специфика.

То, что для экспертов и аналитиков звучит как «разделение системы образования на основе языка обучения», учащимися как Таллиннских ПТУ, так и Йыхвиского ПЦ воспринимается как «обучение на родном языке». Но, по мнению участвующих в обсуждениях, различия между эстони- и рус-

скоязычными ветвями системы образования не ограничиваются родным языком: переходы из одной отрасли в другую (учеба на неродном языке) редки, коммуникация между учащимися разных языковых подсистем не работает, учебные программы различаются и т.д. Как в Ида-Вирумаа, так и в Таллинне придерживались точки зрения, что эстонская молодежь имеет преимущество в системе образования, поскольку родным для нее является эстонский язык, на котором теперь идет обучение уже и в (прежде) русскоязычных гимназиях; что различия между образовательными путями эстонцев и неэстонцев по окончании основной школы являются иерархическими (технические знания, профессиональные училища преимущественно для русскоязычных, а для эстонцев, в основном, университет и гимназии).

Как в Таллинне, так и в Ида-Вирумаа эстонский язык воспринимают не столько как средство коммуникации, сколько наоборот, как средство разобщения. Несмотря на это, учащиеся ПТУ намерены улучшить знание эстонского языка из прагматических соображений (учеба, нахождение хорошей работы, отъезд в другой регион Эстонии, а также и за границу с полученным в Эстонии образованием). Учащиеся профессиональных училищ Ида-Вирумаа считали, что требование знания эстонского языка в русскоязычном регионе обусловлено не практической необходимостью, а политическими амбициями, что учить эстонский язык в русскоязычном регионе особенно трудно, что это должно быть добровольным, а не принудительным.

В Таллинне необходимость знания эстонского языка вообще не обсуждалась (очевидно, считали это само собой разумеющимся), спорили лишь о том, является ли именно обучение на эстонском языке (60% и более объема учебной программы на эстонском языке) самым эффективным способом овладения эстонским языком, подходит ли это всем и должно ли это быть единственным и обязательным способом.

Как в Таллинне, так и в Ида-Вирумаа на отношение к предстоящему в профессионально-техническом образовании переходу на эстонский язык обучения повлияли как отрицательный опыт аналогичного перехода гимназической ступени (проблемы знакомых гимназистов, игнорирование противостояния русскоязычного населения), так и отношение к знанию эстонского языка.

Положительным при переходе профессионального образования на эстонский язык отметили именно (возможное) лучшее владение эстонским языком, в то же время сомневались, не пострадает ли от этого приобретение специальности.

В Ида-Вирумаа подчеркивали, что этот плюс актуален только для тех, кто останется в Эстонии («хоть какая-то возможность практиковаться[в эстонском языке]»), но их, по мнению учащихся, совсем немного. В Таллинне прогнозировали соответственно и изменение контингента учащихся ПТУ: по сравнению с настоящим временем туда пойдет больше тех, кто готов приложить усилия во имя получения образования, но часть молодежи лишится теперь возможности приобрести профессию. В качестве минуса указали прежде всего на сужение выбора, так как учиться на неродном языке труднее, особенно людям, не имеющим способностей к языкам. Общее отрицательное отношение учащихся продиктовано во многом тем, что они ощущают себя «объектами» властных решений, с мнением которых не считаются.

В Таллинне отношение владеющих эстонским языком ко многим вопросам, связанным с идентичностью, участием в общественной жизни Эстонии и владением эстонским языком, не отличались от мнения тех, кто языком не владел. Были единодушны в мнении, что принудительный перевод профессионального образования на эстонский язык обучения означает отрицательное отношение к русскоязычному населению. В Таллинне, в отличие от обсуждения в Ида-Вирумаа, в качестве выхода предлагался не отъезд из Эстонии, а хладнокровие при решении конкретных проблем (в т.ч. при общении с эстонцами).

Как в Таллинне, так и в Ида-Вирумаа участники обсуждения были убеждены, что для успешного профессионального развития помимо знания эстонского языка существенны как «правильная» (эстонская) фамилия, так и связи. В Таллинне при этом ссылались и на личный опыт дискриминации по этническому признаку.

В целом, как в Таллинне, так и в Ида-Вирумаа считали, что правильнее всего было бы предоставить русскоязычной молодежи выбор, сохранив в образовательной системе разные отрасли.

Родину понимают очень по-разному, соответственно относятся и к Эстонии. Если родной страной понимается как «место, где выросли», или страна, где родились, где живут близкие, то Эстонию считают родным домом. А те, по чьему мнению для чувства родного дома существенна эмоциональная связь с государством, не считали Эстонию родным домом. В Ида-Вирумаа отметили «свою» (то есть исходя из логики описания русскоязычную) комфортную атмосферу, которая делает уезд родным. Были трудности при ответе на вопрос о принадлежности к народу Эстонии – чувство принадлежности оказалось для многих несформированным понятием. На ответы повлияло представление о том, кого сами этнические эстонцы считают эстонцами, отсутствие или наличие ощущения принадлежности (к эстонскому народу) обосновывали этническими аргументами.

Отношение к интеграции при обсуждениях в Таллинне и Ида-Вирумаа было разным: на обсуждении в Таллинне прозвучало мнение о ее необходимости, ее достижение считали возможным прежде всего путем открытых дискуссий. А на обсуждении в Ида-Вирумаа доминировало скептическое отношение, в качестве аргумента приводились этнические различия между русскими и эстонцами.

Русскоязычная молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях

Танель Валлимая

Одной из ключевых целей интеграционной политики Эстонии является повышение равенства в области образования в то время, как в образовательной системе происходит несколько важных реформ (подробнее на точках соприкосновения образовательной и интеграционной проблематики останавливается раздел 3.1 рапорта). Поэтому в этом проекте исследовали также русскоязычную молодежь, обучающуюся в высших учебных заведениях. Было проведено два групповых интервью. Первое групповое интервью проводили с теми, кто учится на эстонском языке, во втором участвовали те, кто выбрал высшее образование с русским языком обучения. Среди опрашиваемых были студенты как бакалавриата, так и магистратуры. Кроме того, опросили двух экспертов, которые тесно соприкасаются с русскоязычными студентами (в колледжах университетов).

В отличие от более молодых учащихся, участвующих в данном исследовании (профессиональные училища и гимназии), аргументы студентов в групповых интервью отчетливо обоснованы с точки зрения личных целей и возможностей индивида, т.е. учащегося. При выборе между высшим образованием на русском или эстонском языке решающими для них были прагматические факторы. Плюсом высшего образования на русском языке является возможность приобретения специальности быстрее и легче. Для выбравших высшее образование на эстонском языке решающим было то, что по выбранной специальности можно было учиться лишь на эстонском языке. Однако отношение к необходимости знания эстонского языка связано с тем, на каком языке учится сам молодой человек. Если по оценке молодежи, получающей высшее образование на эстонском языке, знание эстонского языка увеличивает возможности занятости и получения образования, то большинство студентов, обучающихся на русском языке, находят, что эстонский язык можно начать учить лишь тогда, когда в этом появится конкретная необходимость. В последнем менталитет студентов, обучающихся на русском языке, тем самым весьма схож с менталитетом русскоязычной молодежи, обучающейся в профессиональных училищах.

Большинство опрошенных, в т.ч. эксперты, настроены весьма критично по отношению к быстрому переводу гимназического образования на эстонский язык обучения, находя, что сейчас учителя не в состоянии преподавать предметы на хорошем эстонском языке. Так, с одной стороны, страдает качество знаний, с другой стороны, таким способом не выучат и эстонский язык. Таким образом, целью является обучить для русскоязычных школ достаточно учителей, хорошо владеющих эстонским языком. В то же время как студенты, так и эксперты находят, что если гимназическое образование на эстонском языке и облегчит поступление в университет с эстонским языком обучения, в любом случае серьезно пострадает уровень владения русским языком среди русскоязычной молодежи. Это окажется проблемой как для тех, кто не желает приобретать высшее образование после окончания гимназии, так и для тех, кто желает приобрести высшее образование в высшем учебном заведении России. На фоне такой критики понятно, почему студенты и эксперты считают наилучшим способ поэтапного перехода на эстонский язык обучения, при котором учеба начинается на русском языке, и затем переходят на учебу на эстонском языке. Это поможет молодому человеку, для которого родным является русский язык, легче всего получить доступ к высшему образованию на эстонском языке. По оценке экспертов, отсутствие возможности такого перехода сейчас, когда уменьшается количество русскоязычных учебных программ, усложнило бы, по сравнению с нынешним, доступ к высшему образованию прежде всего для молодежи из Ида-Вирумаа. Проблемой является также слабое владение русским языком молодых преподавателей университетов, что не позволяет им помочь молодежи, чей родной язык – русский, адаптироваться в эстоноязычной академической среде.

У русскоязычной молодежи, получающей высшее образование на русском языке, имеется положительный опыт в поиске контактов среди студентов-эстонцев. Они считают такие контакты важными для своей дальнейшей профессиональной карьеры. Опрошенные эксперты считают, что благодаря этим контактам быстро исчезнут коммуникационные барьеры у той русскоязычной молодежи, у кого раньше не было особенно тесного общения с эстонцами. Это также показывает, что уже на уровне гимназии чрезвычайно важно делать акцент на совместную деятельность учащихся русских школ с эстонской молодежью и эстоноязычными молодежными организациями. Студенты, обучающиеся как на эстонском, так и на русском языке, сейчас общественно пассивны, если речь идет об общегосударственных гражданских инициативах, хотя и следят как за эстонско- так и за русскоязычными средствами массовой информации и интересуются эстонской внутренней политикой. Они считают выборы самым важным методом участия в управлении обществом. Они не верят, что иная политическая деятельность имела бы большое воздействие. Тем не менее, они уверены, что то, насколько человек общественно активен, определяют его индивидуальные особенности, а не национальность и не языковая принадлежность.

Все опрошенные студенты считают участие в выборах существенным для граждан. Но для них очень важно чувство принадлежности. Студенты обеих групп, т.е. независимо от языка обучения, эмоционально связаны с Эстонией и ощущают Эстонию своей родиной. Ни один из участников исследования лично не ощущал неприятия со стороны эстонцев или нетерпимости на национальной почве. Тем не менее, наличие межнациональной напряженности в эстонском обществе упоминается, но по мнению опрошенных, это проявляется скорее в средствах массовой информации, которые усиливают соответствующие стереотипы. Желание покинуть Эстонию присутствует в обеих опрошенных группах, но решающую роль при принятии такого решения играет наличие или отсутствие возможности трудоустройства в Эстонии.

20–35-летняя молодежь Ида-Вирумаа

Елена Хелемяэ

Модели интеграции 20–35-летней молодежи Ида-Вирумаа представляют интерес в связи со своеобразием этой социальной группы: и в смысле исторического времени (мировоззрение ее представителей формировалось во время наиболее интенсивных изменений); и в смысле их биографического времени (мы имеем дело с людьми, которые не так давно оставили систему образования и успели уже опробовать полученный там багаж знаний); а так же в регионально-географическом смысле. Целью проведения интервью в этой группе было, с одной стороны, изучить, как действует в случае этой группы разработанная в исследовании логика кластеров (как мнения ее представителей соотносятся с измерениями интеграции), с другой стороны, использовать эту группу в качестве контрольной по отношению к социальным группам учащихся и студентов. Участники были найдены с помощью предварительного опроса и представляли кластеры А, В, D и E.

Интервью с участниками этой группы выявило четкое разделение на активных и пассивных членов общества. Это разделение соответствует разделению на кластеры, осуществленному на основе предварительного опроса. Представители кластеров D и E были в социальном и политическом смысле пассивными, а представители кластеров А и В активными членами общества. В случае активных членов общества можно выделить три типа мировоззрения. Кластер А представляют разные мировоззрения – «либеральный» и «мультикультурный» типы, третий тип – «интуитивный патриот» – больше всего напоминает интегрированных в части гражданской идентичности (В кластер).

Активные типы характеризуются ярко выраженным чувством принадлежности, сильной гражданской идентичностью, критическим отношением к власти, в том числе и к использованию ею языковых требований в качестве средства давления и к усилению этнической составляющей многих социальных проблем, но отсюда не следует ни ухода от этих проблем, ни отчуждения от страны. Наоборот, считают, что будучи гражданами Эстонии **обязаны** активно способствовать развитию родины и именно активность рассматривают в качестве важной отличительной черты гражданина.

Тем не менее, существуют значительные различия между типами:

- ⊙ в формировании чувства принадлежности (по мнению либерального типа чувство принадлежности является естественной эмоцией и правом, обусловленным местом рождения, в этой части они схожи с интуитивными патриотами; для мультикультурного типа усвоение языка и знание культуры являются само собой разумеющейся обязанностью);
- ⊙ в отношениях с Эстонским государством (либеральный тип и наивный патриот придают большое значение взаимным обязательствам государства и гражданина, тип с мультикультурными взглядами на государство особо не надеется);
- ⊙ в отношении к носителям власти, в чем видят основание для их критики (либеральный тип и наивный патриот критикуют власти за отсутствие демократии, мультикультурный тип за неэтичность);
- ⊙ в оценке формального статуса гражданина (либеральный тип рассматривает наличие гражданства как важный признак гражданина, наивный патриот и мультикультурный тип однако считают, что социальная и политическая активность – это достаточные основания, чтобы ощущать себя гражданином);
- ⊙ в отношении к знанию эстонского языка (наивный патриот не рассматривает знание эстонского языка в качестве предварительного условия деятельности и не говорит на эстонском языке, для либерального типа двуязычие является конкурентным преимуществом, в случае мультикультурного типа знание языка рассматривается как ключ к межкультурной коммуникации).

Таким образом, пример молодежи Ида-Вирумаа свидетельствует о том, что даже в случае сходного опыта интеграции (будь то в части владения языком, участия в общественной жизни или чувства принадлежности), его обоснование и соответствующие ожидания могут в значительной мере отличаться. Согласование этих ожиданий с мерами интеграции предполагает наряду с мониторингом и постоянное сотрудничество, то есть признание русскоязычной молодежи субъектами, а не объектами интеграции. Интервью с данной группой свидетельствует о наличии людей, способных и готовых к такому сотрудничеству. Создание соответствующих каналов сотрудничества особенно важно в случае молодежи, поскольку именно они быстрее других предпочитают выход, будь то в форме отъезда из Эстонии либо т.н. внутренней миграции, т.е. отказа от участия в общественной жизни. Сильная Ида-Вирумааская идентичность активной молодежи не противостоит, а скорее дополняет чувство принадлежности ко всей Эстонии, ощущение ее домом. Пример интуитивного патриота в рамках данного группового интервью с представителями молодежи вновь подтверждает, что слабое владение эстонским языком вовсе не исключает ощущения принадлежности к Эстонии и стремления активно способствовать ее развитию. Этот пример также свидетельствует о том, что искреннее стремление быть полезным Эстонии только выиграло бы от более основательного его соотнесения с целостным мировоззрением. В противном случае при более неблагоприятных условиях может и тип искреннего патриота, аналогично многим участникам других интервью, оценивать ситуацию исключительно как результат нацеленной против него программы действий («ничего хорошего от них не следует ожидать»). Анализ данного интервью свидетельствует о наличии связи между целостным мировоззрением и готовностью к интеграции. Формированию целостного мировоззрения и его соотнесению с положением в Эстонии могла бы способствовать как система образования, так и общественный диалог, гражданское общество. Это при условии, что все это осуществляется в сотрудничестве эстонского населения с русскоязычным, с учетом интересов, ожиданий и потребностей русскоязычного населения (в том числе и в рамках программы обучения граждановедению).

Новые иммигранты

Танель Валлимяэ

Одной из целей интеграционной сферы является облегчение въезда квалифицированной рабочей силы в Эстонию, в т.ч. увеличение интереса к Эстонии у ведущих специалистов и иностранных студентов. В ходе исследования мы провели восемь интервью с новыми иммигрантами, в т.ч. с иностранными студентами и ведущими специалистами. Изучили опыт опрашиваемых и членов их семей, их ожидания и потребности на рынке труда, в образовании, в социальных сетях и по части деятельности гражданских инициатив, а также, как они овладели эстонским языком. Внимание было уделено также адаптации в обществе и перспективам остаться или покинуть Эстонию.

Новые иммигранты также не являются однородной группой, чьи причины иммиграции, способности адаптироваться или перспективы остаться были бы одинаковыми. Если в случае интеграции долгосрочно проживающего в Эстонии русскоязычного населения в последние годы подчеркивалась важность гибкого подхода, то это так же важно и для новых иммигрантов. Если до сих пор в случае адаптации новых иммигрантов подчеркивались культурные и другие факторы, связанные с происхождением, то данное исследование показывает, что так же важен предыдущий иммиграционный опыт нового иммигранта. У ведущих специалистов имеется солидный опыт по части уровня жизни и услуг в разных странах и при формировании их ожиданий страна происхождения не является настолько определяющей, как у иностранных студентов и других новых иммигрантов, для которых социально-экономический, культурный или религиозный фон страны происхождения играет существеннейшую роль при отрицательном или положительном суждении. Ожидания и предубеждения у ведущих специалистов по сравнению с ними более умеренные, когда они решают приехать в Эстонию.

Самым слабым звеном в адаптации по оценке участников исследования является недостаточная и обрывочная информация. В первую очередь это касается информации на английском языке, но на это также жалуются и русскоязычные новые иммигранты. Поэтому на веб-сайтах ключевых учреждений и местных самоуправлений должна быть доступна оперативная информация как на английском, так и на русском языке. Кроме того, в этих учреждениях мог бы быть предусмотрен должностной такой служащего, позвонив которому иммигрант мог бы получить информацию на английском и русском языках.

При обучении эстонскому языку следует иметь в виду, что обучение воспринимается очень прагматично. В отличие от других новых иммигрантов, особенно работающих на требующих низкой квалификации должностях (либо безработных), для ведущих специалистов решающим является не стоимость обучения языку, а мотивация. Обучение языку для них – выбор, а не неизбежность. Интерес к изучению языка выше у тех, кто планирует остаться в Эстонии, особенно, если супруг(а) – эстонец/эстонка. Но не все студенты и ведущие специалисты, которые в обычной жизни обходятся, как правило, английским языком, желают учить эстонский язык. Однозначно предполагать, что новый иммигрант станет учить эстонский язык можно в случае, если он ищет работу – например, связать это с получением социального пособия. Это практикуется также в нескольких других государствах. Знание языка станет особенно важным для ищущего работу, если бы ему пришлось в течение короткого времени работать на менее квалифицированной должности.

Интерес иммигрантов к изучению эстонского языка и эстонской культуры и общественной жизни связаны неоднозначно. Особенно это следует учитывать в случае прибывших в Эстонию на короткий срок. Поэтому нужно предлагать больше услуг по переводу на культурных мероприятиях, например, театральных представлениях, также поддерживать переводы эстонской литературы. Действует и обратное: не все студенты испытывают интерес к эстонской культуре, даже, если они желают изучать эстонский язык. Поэтому в некоторых случаях можно было бы изучение языка и знакомство с культурой отделить друг от друга. Органы государственной власти должны более, чем обычно, поддерживать развитие такой деятельности гражданской инициативы, которая способствует сотрудничеству между коренной нацией и иммигрантами – тем более, что именно через совместную деятельность возникает мотивация изучать эстонский язык. Четко выражена необходимость в развитии англоязычных средств массовой информации в Эстонии, благодаря которым должна происходить передача информации о происходящем в гражданском обществе, культурной жизни и т.д. Университеты также должны больше способствовать адаптации иностранных студентов в обществе, в т.ч. при посредничестве информации и контактов между студентами с одной стороны и предприятиями и НПО с другой стороны.

Следует продолжить упрощение процедур, связанных с выдачей видов на жительство и виз, особенно для ведущих специалистов и иностранных студентов, чей приезд является приоритетом для государства. При этом следует улучшить навыки общения чиновников, тесно общающихся с иммигрантами, при контактах с людьми с разным культурным фоном. Следует улучшить знание английского языка чиновниками. Хотя в интервью и не приводятся примеры из личного опыта, свидетельствующие о нетерпимости, но интервьюируемые говорят о ясно ощущаемом чувстве неприятия по отношению к людям с другим цветом кожи. Для уменьшения как нетерпимости, так и чувства неприятия следует большее внимание уделять образованию молодежи и проводить больше информативной работы в области многообразия, одним из способов которой является освещение опыта и жизни иммигрантов в средствах массовой информации. Это в равной степени относится и к русскоязычному населению и средствам массовой информации. Органы государственной власти, в свою очередь, должны с той же целью больше разъяснять общественности правила, касающиеся иммиграции, их цели, и кто и из каких стран приезжает в Эстонию.

Цыгане

Маарис Паудсепп, Трийн Роосалу

Цыгане – это особое меньшинство в контексте всей Европы и также Эстонии: у них особый статус по культурно-историческим причинам как у преследуемого и отверженного в прошлом меньшинства. Европейский союз объявил цыган нацией особого внимания в Европе. Кроме того, отсутствие своего государства делает положение цыган по сравнению с другими меньшинствами особенным и более сложным, у них нет родины предков. Цыганское население Эстонии хоть и малочисленно, но уже давно связано с Эстонией. Это культурно самобытное меньшинство, которое нельзя рассматривать как часть русскоязычного меньшинства. Как и сету, они сохранили живое устное культурное наследие. Тем самым они вносят вклад в эстонскую культуру в широком смысле, будучи нашими, своими эстонскими цыганами. У культуры цыган много аспектов, которые могли бы обогатить местную культуру в целом, и стоило бы ближе изучить возможные точки соприкосновения и возможности учиться друг у друга.

Как и другие меньшинства, цыгане используют разнообразные стратегии аккультурации и формирования идентичности. Некоторые цыгане избрали стратегию индивидуальной адаптации: ассимилированные и хорошо адаптированные цыгане не связывают себя с цыганским сообществом. Хорошо интегрированные цыгане применяют стратегию интеграции, сливаясь с эстонским обществом и в то же время ощущая гордость быть цыганом. Стратегию транснационализма (адаптация в нескольких государствах) можно предположить в случае цыган, работающих за границей, или происходящих из Латвии. Большое количество цыган принадлежат к беднейшим и наименее образованным слоям общества, проживая в относительно изолированных сообществах, основанных на традициях. Проблемы свойственны прежде всего для последней группы: высокий уровень безработицы, бедность, дискриминация, незаконченное образование. Они схожи с проблемами цыган, проживающих и в других государствах Европы. Интегрированные цыгане ждут помощи от государства в поддержке цыганского языка и культуры, и признании цыган историческим национальным меньшинством Эстонии.

Общинность цыган – это ресурс, которого нет у большинства других групп национальных меньшинств в Эстонии. В некотором смысле, благодаря сильной общинной семейной сети цыгане справляются с невзгодами, безработицей и бедностью лучше других. Общинная идентичность придает уверенность в себе, которая позволяет преодолеть трудности повседневной жизни, а также нетерпимость и неприязнь, проявляющиеся в эстонском обществе. С другой стороны, конфликт между традиционным общинным образом жизни и современной либеральной и индивидуалистичной западной культурой, и особенно протестантской трудовой этикой, неизбежно порождает напряженность и противоречия.

Активное владение цыганами несколькими языками могло бы быть примером для других национальных групп, цыгане в состоянии успешно общаться как на эстонском, так и на русском языке. Тем не менее, хорошее знание языка и эстонское гражданство недостаточны для равноценного вовлечения цыган в общественную жизнь: дискриминация эстонских цыган по национальному признаку широко распространена.

Сильнее всего проявились проблемы с образованием цыганских детей. Среди прочего, ощущается потребность в воспитании и поддержке двукультурной идентичности цыган (эстонская и цыганская идентичность), что требует специального и системного педагогического подхода, к чему эстонская образовательная система в целом сейчас не готова.

При общении с чиновниками возникают конфликты и непонимание: цыгане не умеют сформулировать проблему и, в свою очередь, не понимают бюрократический язык. Неспособность общаться с цыганами исходит из незнания некоторых особенностей культурных традиций, которые отличаются и даже входят в противоречие с западным образом жизни и индивидуалистическими ценностями, свойственными остальному обществу. В то же время опрошенные эксперты указывают на то, что в эстонском обществе и особенно среди чиновников, в том числе среди учителей, царит неосведомленность по части документов СЕ и ЕС, касающихся цыган.

Эстонскому обществу требуется разнообразная информация о цыганской культуре, личные положительные контакты с цыганами и развеяние отрицательных стереотипов. Особенно важно, чтобы чиновники, непосредственно соприкасающиеся с цыганами (работники образования, социальные работники, полицейские, работники местных самоуправлений), были бы осведомлены об образе жизни цыган и особенностях их традиций.

Эстония успешно могла бы стать примером европейского государства по части общения с цыганами и их адаптации, так как цыганская община мала и решение их проблем вследствие этого требует меньше средств по сравнению с другими государствами. Рома ожидают всеобъемлющую государственную программу, направленную на цыган, которая бы охватывала как культуру, образование, медицину, так и жилищные проблемы, отдельные кампании не являются жизнеспособными. Как одно из возможных решений организация, представляющая цыган, разработала проект семейного центра, который мог бы служить комплексным средством интеграции цыган и эстонского общества.

Культурные общества национальных меньшинств

Танель Валлимяэ

В Эстонии сейчас действуют примерно двести пятьдесят аттестованных культурных обществ национальных меньшинств и зонтичных организаций, чья цель – представить свою культурную самобытность. В то же время деятельность обществ была направлена скорее вовнутрь, вследствие чего государство задалось целью, создать условия чтобы их вклад в обогащение общественной и культурной жизни мог бы возрасти. В групповых интервью, посвященных этим вопросам, приняли участие представители русского, украинского, белорусского, латышского и кыргызского культурных обществ.

Наиглавнейшей проблемой культурных обществ национальных меньшинств является слабое владение эстонским языком среди их членов, что является препятствием как при написании успешных проектных предложений, так и мешает проявлению политической и социальной активности. По данным групповых интервью члены культурных обществ нуждаются в более доступном обучении эстонскому языку. В то же время следует улучшить их осведомленность об уже существующих возможностях обучения языку, которые именно для них и предназначены. Для тех обществ, где среди активных членов, которых преимущественно пожилые люди, следовало бы, по возможности, предложить помощь со стороны органов государственной власти в организации перевода на эстонский язык, например, финансирование перевода реклам мероприятий обществ. В целом следовало бы поддерживать именно обучение языку и развитие навыков написания проектов. Как при их деятельности, так и в случае помощи членских организаций, в общем требует улучшения жизнеспособность русскоязычных зонтичных организаций. В нынешней ситуации следует прежде всего органам государственной власти самим заботиться о поднятии потенциала культурных обществ национальных меньшинств, особенно учитывая, что государство и планировало поднять потенциал обществ посредством консультационной деятельности и обучения.

Общества культуры национальных меньшинств играют важную роль как для защиты потребностей соотечественников, давно живущих в Эстонии, так и для адаптации вновь прибывших соотечественников. Например, с помощью воскресных школ дети соотечественников обучаются общению на своем родном языке. Для обществ также важна их роль моста между Эстонией и страной происхождения, благодаря чему происходит обмен информацией и ознакомление с происходящим в культурной сфере обеих сторон. Осуществление роли моста происходит легче у тех обществ, для которых возможно тесное сотрудничество с посольством страны происхождения. Помощь государства здесь была бы нужна прежде всего тем культурным обществам национальных меньшинств, кто не получает поддержки от страны происхождения или от ее посольства в Эстонии.

Серьезной проблемой для культурных обществ является малочисленность подрастающей молодежи и низкий интерес молодежи к своей национальной культуре. Здесь одним важным ожидаемым шагом была бы большая поддержка современных культурных форм при финансировании культурных обществ национальных меньшинств со стороны органов государственной власти. Важно, чтобы культурные общества национальных меньшинств принимали бы больше участия в общегосударственных культурных мероприятиях, таких как праздники песни и танца. В этом государство

может их поддержать как более стабильным финансированием, так и мерами, которые подняли бы уровень хоровых и танцевальных коллективов национальных меньшинств (например, поддержка в оплате труда руководителей хоров). Это стимулировало бы более тесное сотрудничество между национальными меньшинствами и эстоноязычными культурными обществами. Совместной деятельности также способствует поддержка обмена между эстонскими организациями и организациями национальных меньшинств информацией о мероприятиях. Сотрудничество в культурной жизни, в свою очередь, будет для членов культурных обществ существенным стимулом учить эстонский язык. Опыт сотрудничества с эстоноязычными культурными обществами улучшит способность культурных обществ национальных меньшинств выделяться/стать более заметными в обществе и, тем самым, представлять свою национальную культуру. Наконец, органам государственной власти следовало бы обращать больше внимания на более содержательное вовлечение культурных обществ национальных меньшинств, давая тем самым сигнал, что поставленная государством цель увеличить вклад организаций в общественную жизнь реализуется и на (культурно-) политическом уровне.

Государственные служащие, для которых русский язык является родным

Трийн Роосалу, Елена Хелемяэ, Кристина Линдемманн

Опыт и ожидания эстонских государственных служащих, для которых русский язык является родным, представляют интерес с точки зрения осмысления интеграционных процессов, поскольку их можно рассматривать как многосторонне интегрированных: они хорошо владеют эстонским языком, у них эстонское гражданство, они испытывают интерес к эстонскому обществу и активно участвуют в общественной жизни, общаясь с эстоноязычным сообществом ежедневно. С другой стороны, государственный сектор как работодатель является лакмусовой бумажкой всего происходящего в государстве. Действующий в Эстонии Закон о равном обращении предусматривает, что каждый работодатель должен принимать необходимые меры для осуществления принципа равного обращения. Представительная бюрократия, т.е. сбалансированная представленность социальных групп в государственном секторе, важна как ценность, так и потому, что государственный сектор является примером частному сектору при внедрении новых принципов подбора кадров.

Как для эстонского государства, общества, так и для конкретных людей, кто ощущает свою связь с Эстонией и видят Эстонию местом своего проживания и работы, важно применение знаний и навыков здесь в Эстонии. Снижая барьеры, стоящие перед национальными меньшинствами при поступлении на государственную службу и внутри государственной службы, можно реализовать этот ресурс эффективнее. Помимо прямых мер поддержки следует добавить этнический параметр при сборе статистических данных по кадрам государственной службы. Когда в каком-либо учреждении или сфере деятельности государственного сектора составляются руководства для выполнения установленных законом требований или утверждается специальный порядок для достижения этих целей, например, путем ввода в процесс подбора кадров требования безымянных CV, то это могло бы стать предметом более широкого обсуждения.

Государственный сектор должен бы шире использовать информационные каналы при общении с гражданами, чтобы показать, что эстонский государственный сектор уже сейчас многонационален и в нем успешно работают люди, для которых русский язык является родным. При сообщении о вакантных рабочих местах в государственном секторе также и в русскоязычных изданиях, посылался бы сигнал, что и граждан, чей родной язык – русский, ожидают как на государственной службе, так и общаться с государством. Одной из возможностей смягчения проявившегося в анализе эффекта стеклянного потолка является поощрение молодых граждан других национальностей с высшим образованием кандидировать на служебные места в государственном секторе. В интервью приводились примеры организации дней практики, возможность быть рабочей тенью (наблюдать за действием опытного работника в реальной рабочей обстановке) и организация выступлений служащих, чей родной язык – русский, в целевой группе (т.е. в школах и высших учебных заведениях с русским языком обучения, а также и в кружках по интересам).

Наше исследование также показало, что служащие, для которых русский язык является родным, с очень хорошим знанием эстонского языка обращаются к коллегам за помощью для корректировки грамматики и использования языка, и коллеги, чей родной язык – эстонский, обращаются к русскоязычным коллегам с вопросами, связанными с русским языком. Необходимые для работы языковые требования можно было бы рассматривать в государственной службе одинаково, обеспечивая в качестве дополнительной услуги, предлагаемой государством, языковую редакцию или перевод и тогда, когда служащий владеет иностранным языком очень хорошо. Это требование могло бы распространяться, помимо эстонского и русского языков, и на английский язык: наше исследование показывает, что опрошенным новым иммигрантам также сложно получить государственную услугу на английском языке, и, кроме того, от служащих предполагается способность к обмену информацией с ЕС. Как пожилым русскоязычным людям трудно выучить эстонский язык, так же, вероятно, и среди людей, чей родной язык – эстонский, есть такие, кому сложно выучить английский язык.

Осведомленность экспертов, отвечающих за деятельность по подбору кадров как на государственном уровне, так и на уровне местных самоуправлений, о применении равного обращения и точнее об идеях представительной бюрократии низка, поэтому можно было бы при преобразовании кадровой стратегии государственного сектора рассмотреть, помимо оповещения, и привлечение служащих, чей родной язык – русский. С точки зрения роли и нагрузки (единичных) служащих, для которых русский язык является родным, можно было бы системнее подходить к возможным характерным проблемам русскоязычного населения.

Часть опрошенных служащих все-таки считает, что существующую ситуацию исправит лишь время, и ни от одного из конкретных шагов не будет пользы. Но преимущество действенности фактора времени в том, что со временем в обществе меняются как практики (на службу в государственный сектор поступит больше людей, чей домашний язык – русский), так и отношение (у следующих поколений по сравнению с нынешним не будет национальных барьеров).